

А
Юлий Айхенвальд

Белинский

Кантемир. Белинский. Добролюбов. Писарев. Гончаров: Биограф. повествования / Сост., общ. ред. и послесл. Н.Ф. Болдырева.-- Челябинск: "Урал", 1997.-- (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова; Т. 20).

[OCR Бычков М. Н.](#)

Белинский -- это легенда. То представление, какое получаешь о нем из чужих прославляющих уст, в значительной степени рушится, когда подходишь к его книгам непосредственно. Порою дышит в них трепет искания, горит огонь убежденности, блещет красивая и умная фраза,-- но все это беспомощно тонет в водах удручающего многословия, оскорбительной недодуманности и беспрестанных противоречий. Белинскому не дорого стоили слова. Никто из наших писателей не сказал так много праздных речей, как именно он. Никто своими ошибками, в главном и в частности, так не соблазнял малых и немалых сих, как именно он. Отдельные правильные концепции, отдельные верные характеристики перемежаются у него слишком обильной неправдой; свойственна ему интеллектуальная чересполосица, и далеки от него органичность и дух живой системы. А то, что в самой правде своей был он так изменчив и неустойчив,-- это подрывает даже ее. Его неправда компрометирует его правду. Белинский ненадежен. У него -- шаткий ум и перебои колеблющегося вкуса. Одна страница в его книге не отвечает за другую. Никогда на его оценку, на его суждение положиться нельзя, потому что в следующем году его жизни или еще раньше вы услышите от него совсем другое, нередко -- противоположное. У него не миросозерцание, а миросозерцания. Живой калейдоскоп, он менял их искренне, но оттого не легче было его читателям; и в высокой мере как раз Белинский повинен в том, что русская культурная традиция не имеет прочности, что бродит и путается она по самым различным дорогам. Неровный маятник его легкомысленных мыслей описывал чудовищные круги; учитель убеждений расшатывал убеждения -- тем, что хронически и без явной трагедии от них отступался. Только в письмах к друзьям этот Виссарион-Отступник сокрушается иногда о своей изменчивости, о своих "прыжках"; но перед аудиторией, в печати ему случалось даже выговаривать тем, кто однажды навсегда составил себе определенные мнения. Желанную динамичность духа, вечное движение, вечное искание он смешивал с непостоянством и непродуманностью коренных принципов. И оттого, в пестром наследии его сочинений, в их диковинной амальгаме, вы можете найти все, что угодно,-- и все, что не угодно. Рассудок несамостоятельный, женственно воспринимающий, слишком доступный для всяких теорий, сплошной объект и медиум влияний, Белинский слушал и слушался, и у него нечего было влияниям противопоставлять. Он не имел своего а priori; он другим не предпослал себя. Он был доверчив, этот критик без критики. Были присущи ему не идеи-силы, а идеи-гости. Человек без духовной собственности, "нищий студент", всегдашняя *tabula rasa*, он никогда не был умственно-взрослым; по его натуре, переимчивой и восприимчивой, ему следовало бы только учиться, а он учил,-- и в этом состояло тяжкое недоразумение его литературной судьбы. Или, лучше сказать, он учился на людях, на глазах у своих учеников; он читал для того, чтобы написать, читал наскоро, и за его страницами не чувствуешь долгой работы и умственной уединенности, часов накопления. Именно потому он всегда -- временный, и каждой мысли, каждой дамы он -- рыцарь только на час. Он чужд той непосредственной духовной цельности, того сокровенного мировоззрения, того инстинкта правды, которые уже сами по себе, предупреждая сознательное построение идеалов, оберегают человека от чрезмерно грубых заблуждений и от таких взглядов, какие граничат с нравственной близорукостью. У Белинского подобного ангела-хранителя не было, ядро истины в нем не таилось, его бессознательное начало не было лучше его сознательного, его перо не было умнее, чем он сам, и не однажды впадал он в такие ошибки, которые вызывают не только идейный отпор, но и моральное негодование, увлечением и способностью каждое теоретическое верование доводить до его последних практических результатов объясняют нестерпимую реакционность его статей о Бородинском сражении; но это нисколько не оправдывает отсутствия в Белинском того органического либерализма, тех предчувствий и влюбленных чаяний свободы, которые так обязательны для высокой души, и особенно для души молодой. Задолго до упомянутых статей, при первом же своем серьезном выступлении, как критика, в знаменитых "Литературных мечтаниях", после декабристов, в тяжелую и темную пору нашей жизни, когда все передовое в ней действительно изнывало под гнетом грубой власти,-- юноша Белинский, не задумываясь, делается рапсодом формулы "православие, самодержавие, народность" и поет умиленные,